

УДК 332.02
JEL: R12, J21

Кузнецова О.В.

ФИЦ «Информатика и управление» РАН / РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва

Концепция региональной шокоустойчивости и развитие российских регионов в 2020 г.

Аннотация

Проведенные в экономически развитых странах исследования региональной шокоустойчивости в кризис 2008 г. показали, что экономически развитые регионы больше подвержены кризисным явлениям, но и быстрее восстанавливаются после кризиса, а наибольшей шокоустойчивостью отличаются «срединные» территории. Оценка последствий кризиса 2020 г. для российских регионов показала, что крупнейшие города – Москва и Санкт-Петербург – оказались в относительно благоприятной ситуации благодаря целому ряду факторов.

Ключевые слова: экономический кризис, COVID-19, региональная шокоустойчивость, типы регионов, крупнейшие города

Kuznetsova O. V.

Federal Research Center "Informatics and Control", RAS / Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

The concept of regional resilience and the development of Russian regions in 2020

Abstract

Studies conducted in economically developed countries of regional resilience in the 2008 crisis showed that economically developed regions are more vulnerable to the crisis, but also recover faster after the crisis, and the "middle" territories are the most resilient. The assessment of the consequences of the crisis in 2020 for the Russian regions showed that the largest cities – Moscow and St. Petersburg – were in a relatively favorable situation due to a number of factors.

Keywords: economic crisis, COVID-19, regional resilience, types of regions, major cities

Экономический кризис 2020 г., связанный с пандемией COVID-19, как и все кризисы, неизбежно по-разному проявился в разных регионах страны и заставил обратить внимание на дифференциацию территорий по динамике их социально-экономического развития, поскольку это важно для формирования национальной (в России – федеральной) политики пространственного развития.

В зарубежной экономической литературе в последние годы поиск ответов на эти вопросы идет в рамках концепции региональной шокоустойчивости. Именно такой перевод, предложенный в [1], нам представляется наиболее удачным для англоязычного термина «regional resilience». Работ по региональной шокоустойчивости уже довольно много, хотя признается, что окончательно сформировавшейся ее концепции пока не существует. Основные закономерности в отношении конвергенции/дивергенции регионов, выделяемые в существующих работах (в т.ч. в [2; 3; 4]), таковы:

– кризис сильнее ударяет по экономически развитым регионам (с их крупными агломерациями, высокой плотностью населения). В таких регионах экономический спад обычно сильнее, поскольку именно они в первую очередь сталкиваются с кризисными явлениями. Так, кризис 2008 г. во многом был связан с кризисом на рынке недвижимости, который активнее всего развивался именно в крупнейших агломерациях. Распространение COVID-19 было более значимым в городах с высокой плотностью населения;

– про экономические отсталые регионы в кризис часто говорят, что им «некуда падать»;

– вместе с тем, экономически развитые регионы быстрее выходят из кризиса в силу своих традиционных преимуществ, хорошо известных из теорий регионального роста (это и емкий рынок сбыта, и более высокий уровень инновационности, и наличие внутренних ресурсов развития, и ряд других факторов);

– замедленное восстановление экономически отсталых регионов связано с дефицитом ресурсов, которые в таких регионах больше внешние, нежели внутренние. И дело не только в пониженной привлекательности проблемных территорий для частного капитала, но и типичном для посткризисных лет сокращении господдержки экономики ради обеспечения сбалансированности бюджета после повышенных бюджетных расходов в острой фазе кризиса.

В результате происходит дивергенция регионов по экономическим показателям, тогда как конвергенция оказывается возможной только при длительном стабильном экономическом росте.

Полной картины региональных последствий вызванного пандемией COVID-19 кризиса в странах мира еще нет, но предварительный анализ по странам ЕС [3], ОЭСР [4] показывает очевидную особенность текущего кризиса – сильную зависимость экономического положения регионов от возможностей людей перейти на удаленную работу. Даже в экономически развитых странах дифференциация территорий по этому параметру весьма значительна.

Для России оказываются свойственны многие тенденции и закономерности, что и для других стран мира. В начале вызванного COVID-19 кризиса часто говорилось о том, наиболее пострадавшими от пандемии территориями являются крупнейшие города. Именно они, особенно Москва, в первую очередь столкнулись с новой болезнью в силу своей открытости и ростом числа заболевших из-за высокой плотности населения, последствиями запретов на ограничение отдельных видов деятельности, сокращением международных контактов. Действительно, по данным Росстата [6], объем платных услуг населению в Москве в 2020 г. составил только 71,4% от уровня 2019 г. (в сопоставимых ценах), в Санкт-Петербурге – 81,6%, тогда как средний по субъектам РФ показатель был 82,9%.

Однако если посмотреть на реальные денежные доходы населения, то в Москве они в 2020 г. составили 99,0% от уровня 2019 г., в Санкт-Петербурге – вообще 100,0%, тогда как среднероссийский показатель был хуже – 97,0%. А это значит, что в конечном итоге крупнейшие города оказались отнюдь не самыми пострадавшими в текущий экономический кризис. И это связано с целым рядом факторов.

Первый и важнейший – диверсифицированная структура экономики, которая в научной литературе называется в качестве важнейшего фактора шокоустойчивости регионов. В регионах с диверсифицированной структурой экономики спад в отдельных секторах может быть смягчен или даже компенсирован относительно благоприятной ситуацией в других. Доля в структуре ВРП в 2019 г. [6] таких наиболее пострадавших в ходе пандемии COVID-19 видов деятельности, как «деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» в Москве составляла только 0,8%, в Санкт-Петербурге – 1,3%; «деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений» – 1,3% и 1,5% соответственно; «предоставление прочих видов услуг» – по 0,7%. Зато на особо востребованные в текущий кризис «деятельность в области информации и связи» приходилось 6,6% в структуре ВРП Москвы и 5,8% Санкт-Петербурга; «профессиональную, научную и техническую деятельность» – 8,5% и 7,8% соответственно.

Во-вторых, Москва и Санкт-Петербург в силу повышенного инновационного потенциала, высокого уровня проникновения Интернета могли гораздо быстрее адаптироваться к новым условиям жизни, прежде всего, к более активному внедрению информационных технологий (одним из ярких примеров является розничная торговля).

В-третьих, проявилось традиционное преимущество городов – высокая емкость рынков сбыта. Особенно ярко значимость этого фактора иллюстрирует ситуация с динамикой производства пищевых продуктов. Рост производства был характерен для обоих крупнейших российских городов, особенно Москвы.

Есть и другие факторы относительного благополучия крупнейших городов, причем проявляющиеся и в других странах мира: повышенная доля занятых, получающих заработную плату из бюджета, которая в кризис остается относительно стабильной, наличие бюджетных ресурсов, которые можно направить на поддержку экономики в кризисных условия (особенно это характерно для Москвы).

Конечно, в связи с этими двумя факторами возникает часто обсуждаемый в России вопрос о несправедливости повышенной концентрации ресурсов в Москве. Не отрицая наличие таковой, стоит все-таки подчеркнуть, что резких контрастов между Москвой и Санкт-Петербургом в экономических показателях в 2020 г. не было (а значит дело не только в статусе столицы); концентрация бюджетников в крупнейших городах является во многом объективной (такие города выполняют роль центров образования, науки, здравоохранения, культуры); как было показано, относительное благополучие обеспечивал не только государственный сектор.

Для федеральной политики пространственного развития из сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в рамках собственно государственной политики пространственного развития в России необходима реализация общепринятых мер повышения региональной шокоустойчивости. Это диверсификация экономики регионов, повышение их инновационного потенциала, активное внедрение информационных технологий. Кроме того, конечно, важно повышение качества государственного и муниципального управления, повышение эффективности взаимодействия органов власти разных уровней (для принятия необходимых в кризис оперативных решений).

Во-вторых, в федеральной политике пространственного развития важно уделять гораздо больше внимания «срединным» территориям, в том числе «вторым» городам. В России очень часто обсуждаются две крайности: либо опора на крупнейшие города как точки роста, либо поддержка самых проблемных периферийных территорий. Как показывает опыт, «срединные» территории отличаются повышенной шокоустойчивостью и обладают определенным потенциалом экономического роста, будучи тем самым способными стать реальными альтернативами продолжающейся концентрации населения и экономической активности в крупнейших городах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. Шокоустойчивость территории: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. – 2020. – № 3. – С. 4-15.
2. Economic Crisis: Resilience of Regions. Scientific Report. – ESPON & Cardiff University, 2014. – 280 pp.
3. Territorial Impact Assessment: the State of the Cities and Regions in the COVID-19 Crisis. – European Union, 2020. – 71 pp.
4. OECD Regions and Cities at a Glance 2020. – Paris: OECD Publishing, 2020. – 166 pp.
5. Евростат [Электронный ресурс] // URL: <https://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения 10.04.2021).
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения 20.04.2021).